

вии, Сирии и Месопотамии склонялись к обращению в христианство главным образом потому, что им казалось, будто в Богородице они узнают мать богов Кибелу, то афинскому народу не потребовалось даже менять прозвища для своей божественной девственной покровительницы, ибо и Пресвятая Дева Мария ими теперь именовалась Parthenos.

Что один из последних философов платоновской академии действительно оказался свидетелем вступления христианской Богоматери в обладание древней святыней Паллады и повержен был этим в отчаяние, не может быть доказано. Для этого великого переворота в городской жизни Афин несомненно благоприятной порой явилось именно V столетие, когда осуждена была несторианская ересь, и Пресвятая Дева Мария, как Богородица, заняла первенствующее место в сонме святых. Было бы, пожалуй, не особенной даже смелостью утверждать, что Юстиниан именно тем и закрепил окончательно упразднение афинской академии, что Парфенон обратил в церковь. Прокопий прямо утверждает, будто бы император Юстиниан в римском государстве соорудил такие многочисленные и превосходные церкви в честь Богородицы, что можно было бы подумать, будто он ничем иным и не занимался.

Афинским христианам могло быть особенно приятно завладеть именно старинной крепостью богов. Прежде чем превратить в церкви опечатанные храмы Парфенон и Эрехтеум, христиане могли озаботиться удалением оттуда алтарей и статуй богов, напр., богини Афины. Окончательные судьбы, какие постигли бронзовую колоссальную только что названную статую работы Фидия и прочие творения того же художника (вроде, напр., статуи Паллады в том же Парфеноне), нам совершенно неизвестны; та же, впрочем, тьма сокрыла от глаз потомства и Поликлетову Геру в Аргосе, и Адрианова Зевса в афинском Олимпиуме.

Впрочем, и из римского Капитолия незаметно исчезла статуя Юпитера, и только предание повествует, будто великий папа Лев в благодарность за то, что город спасся от вторжения Атиллы,